

АМАРИ САНД

КРЕПОСТНАЯ
ДЛЯ ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА

18+

Амари Санд

**Крепостная для
графа Шереметева**

«Автор»

2026

Санд А.

Крепостная для графа Шереметева / А. Санд — «Автор», 2026

Обидно погибнуть в двадцать два года, неудачно свалившись со стремянки. Но еще обиднее переместиться на двести лет в прошлое и очнуться в теле бесправной служанки графа Шереметева. Дуреху, в чьем теле я оказалась, любовь молодого графа привела к гибели. Теперь он не дает мне проходу, и с каждым днем становится все настойчивее. А я думаю только о том, как выжить в мире, где крепостные слуги — собственность хозяев, с которыми они могут делать, что захотят.

© Санд А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Крепостная для графа Шереметева

Глава 1

— Тань, осторожнее там! — испуганно вскрикнула подруга, когда стремянка подо мной опасно пошатнулась.

— Не волнуйся, я... — отмахнулась беспечно и забралась повыше, чтобы дотянуться до верхней рамы портрета, с которого следовало смахнуть пыль.

А как иначе? Зря что ли нам провели двухчасовой инструктаж о правилах поведения в доме-музее графа Шереметева? И работать мы должны были только в перчатках, поверх обуви обязательно надеть бахилы, мебель не двигать.

И не дай Бог хоть что-нибудь испортить! Тогда можно забыть о практике, да и в целом об учебе на истфаке, потому что ни один здравомыслящий человек не доверит такому растяпе работу с историческими ценностями.

Ей-богу! К крепостным было меньше требований, чем к бедным студентам.

— Чего ты там застыла? Давай уже быстрее, у меня руки затекли держать стремянку, — заныла Ленка внизу.

— Ну, вот и лезла бы сама! — я огрызнулась, собираясь проехаться по ее боязни высоты, когда в заднем кармане джинс зазвонил телефон.

— Привет! — кое-как разблокировала его одной рукой, отмечая кучу уведомлений в мессенджере. — Вик, давай быстрее. Чего хотела? — поторопила девчонку с параллельного потока, отношения с которой всегда были натянутыми.

— Тань, ты в чате видела? — в голосе Вики я различила плохо скрываемое злорадство.

— Некогда мне! Как будто не знаешь, что у нас практика началась.

— Так, зайди в чат. Прямо сейчас! — бросила она и отключилась.

Цокнув языком и закатив глаза кверху, я нажала иконку мессенджера, счетчик сообщений на котором зашкаливал за две сотни.

Что они там обсуждают с самого утра? — зашла в чат и застыла, глядя на собственные фотографии. Свежие и довольно откровенные, сделанные вчера вечером, когда я...

— Это что? — мокрая тряпка выскользнула из рук, а внутри все оборвалось.

— Ау, Тань! Чего застыла? Тряпками еще кидается, — обиженно пробурчала Ленка откуда-то издалека.

Но я ее почти не слышала, онемевшими пальцами листая ленту, где одноклассники вовсю обсуждали мои фотки и поздравляли Матвея.

«Ого, Матвей, ты настоящий мужик!»

«Красотка, ничего не скажешь».

«А я думал, она недотрога».

«Поздравляю с победой, парень!»

Какой еще победой? — глаза заволокло пеленой непрошенных слез. Я пролистнула сообщения выше, куда Матвей скинул скрин из личной переписки с парнями из нашей группы.

«Спорим, я влюблю в себя Таньку Смирнову и соблазню ее до конца семестра? Ставки принимаются».

«50 баксов на то, что не получится».

«Спорим на сотню, что сдастся раньше».

«Я ставлю на месяц».

Я пошатнулась, перед глазами поплыло.

— Тань, ты чего стремянку расшатываешь? — возмущенно вскрикнула Ленка. — Она тяжелая, вообще-то.

Телефон снова тренькнул, присылая в чат очередное послание. В нем — фотография, где я сплю обнаженная. И подпись: «Легкая добыча».

— Нет, — в груди так резко закололо, что я согнулась пополам. — Нет, пожалуйста! Нет...

— Тань, не знаю, что там у тебя происходит, но лучше спускайся! — с тревогой в голосе попросила подруга.

Но я не могла сдвинуться с места. Меня трясло от осознания, что все мои чувства, все его слова были обманом.

За что? — руки дрожали, не в состоянии удержать телефон. По щекам градом катились слезы. — За что? — билась в голове единственная мысль.

В чат пришло новое сообщение и картинка. Этого я уже не могла выдержать.

— Сволочь! — закричала в телефон, хотя Матвей этого не слышал. — Ненавижу! Ты... ты...

— Таня! Ты чего? — Ленка схватила меня за лодыжку. — Что происходит?!

— Он... — меня колотило крупной дрожью, а перед глазами плыли темные круги. Воздуха катастрофически не хватало, будто тонула в той грязи, которую на меня вылили. — Он поспорил на меня... Поспорил, что влюбит... Поспорил, что... Он. Врал. Мне. ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ!

— Кто? Матвей?! — ахнула подруга

— Он... Он выложил наши... Мои... — слова комом застревали в горле, мешая говорить. Горькие слезы ручьями текли из глаз. — Еще эта долбаная практика!..

— Тань, спускайся, пожалуйста, — растерянно пробормотала подруга. — Давай я тебе помогу...

— Отстань! — оттолкнула ее руку. — Мне надо чем-то заняться. Отвлечься. Я не могу...

Телефон продолжал вибрировать и сыпать сообщениями. Каждое уведомление резало меня по живому. Я вырубила звук, но экран продолжал вспыхивать, напоминая о том, что весь универ узнал о моем позоре. Фотки уже разошлись по чатам, были скопированы и пересланы по личкам.

Мне никогда от этого не отмыться! Никогда! Это позор на всю жизнь! — я вырубила телефон, потому что вздрагивала от стремительно растущего количества сообщений в чате.

— Лен, подай тряпку, пожалуйста, — попросила помертвевшим голосом. — Я просто сойду с ума, если ничего не буду делать.

— Тань, может, тебе лучше пойти домой? — подруга вложила мне в руки ветошь.

— Нет! — в испуге затрясла головой. — Нет, не хочу... Мне нужно здесь остаться. Понимаешь?

Мартынова кивнула, но я по глазам видела, что не понимала. Никто не понимал, что все это для меня значило.

Забравшись повыше, я потянулась, чтобы протереть резную лепнину над карнизом. Старалась ни о чем не думать, сосредоточиться на витиеватых узорах, в глубине которых скопилось грязь. Но проклятые фотки все равно всплывали перед глазами, чередуясь с обрывками вчерашней ночи.

Я казалась себе роботом, механически выполняющим монотонную работу. Потянуться, смахнуть пыль, спуститься со стремянки, сдвинуть ее на полметра, снова подняться и так далее. Постепенно добралась до портретов на стене. С крайнего на меня с укором смотрел суровый мужчина в военном мундире. Как будто знал о моем позоре и осуждал.

— Граф Дмитрий Шереметев, — разобрала внизу мелкую надпись. — Владелец Фонтанного дома с 1825 года.

— Что смотришь? — прошептала еле слышно. — Ты уже свое пожил. У тебя наверняка было все, о чем мечтал. А я... А у меня ничего не осталось.

Перебирая пальцами по стене, я потянулась к следующему портрету, когда случайно зацепилась за крошечный выступ. В этот момент Ленка отвлеклась, уткнувшись в телефон, и лестница дрогнула. Я машинально надавила на выступ, пытаясь найти опору, зацепиться хоть за что-то, как вдруг раздался щелчок и посыпалась штукатурка.

— Что за?... — ошеломленно уставилась на распахнувшуюся дверцу тайника, в котором лежали пожелтевшие от времени бумаги.

— Ты что творишь? — возмутилась Ленка, отряхиваясь от побелки. — Представляешь, что нам будет, если куратор... — она осеклась, задрав голову и заметив открытую нишу. — Что там?

— Не знаю, — пожала плечами и вытащила на свет стопку листов, перевязанных бечевкой. — Какие-то старые...

Я не успела договорить, как за окном грянул гром. На улице еще полчаса назад светило солнце и ничего не предвещало грозу. Но небо уже затянуло тучами, и в комнате моментально потемнело.

Громыкнуло еще раз. Молния сверкнула так близко, что я невольно дернулась. Стремянка опасно накренилась. Я схватилась за раму портрета, чтобы не упасть.

— Осторожнее! — испуганно вскрикнула Ленка. — Она падает...

Ага, и я вместе со стремянкой уже стремительно летела на пол. Перед глазами мелькнул полированный угол дубового секретера. Резкий удар в висок сработал как выключатель.

Раз, и меня окружила темнота!

Последнее, что успел выхватить взгляд, распахнутый тайник, съехавший набок портрет графа и молнию, резанувшую по глазам ослепительной вспышкой.

В следующую секунду, я будто ухнула в глубокую яму. От ужасающе быстрого падения свело кишки, а внутренности слиплись в тугой комок.

Затем поясницу и низ живота пронзило невыносимой болью. Я закричала, выгибаясь дугой, но чья-то властная рука опрокинула меня на жесткую поверхность.

— Ожила! — донесся сквозь вату в ушах чей-то испуганный вскрик. — Господи, девка дышит!

Глава 2

Распахнув глаза, увидела незнакомую женщину в платке. Удивительно ясные глаза на сморщенном, как печеное яблоко лице, смотрели на меня с недоверием и подозрительностью.

— Тише Аграфена, не ори на весь флигель, — раздался совсем рядом еще один голос. — И так грех на душу взяли. Ребеночка-то она скинула. А ну, как умом теперь тронулась? Нам опосля головы не сносить.

— Где я? — хотела спросить, но с пересохших губ сорвался лишь жалобный всхлип.

Дышалось тяжело, будто меня каток переехал. Попытка пошевелиться принесла вспышку дикой боли внизу живота. Из глаз брызнули слезы, смывая мутную пелену. Помимо незнакомой старухи, проступили очертания низкого закопченного потолка и дрожащей свечи в изголовье.

— Пей, деточка! — к моим губам приставили толстый край глиняной чаши. Сил сопротивляться у меня совсем не было. В рот тут же полилась горькая жидкость, которую приходилось глотать. — Ох и живучая девка! — продолжила женщина в чепце, коршуном нависая надо мной. — Другая давно бы к праотцам отправилась, а эта вон, зыркает. Глянь, Прасковья, взгляд будто не человеческий. Неужто бес вселился?

Я совершенно не понимала, что происходило вокруг. Аграфена эта выглядела жутковато: сморщенное лицо, темный платок, закрывающий лоб до самых бровей, и огромные руки с узловатыми пальцами, испачканными в чем-то темном. От нее несло потом, горькими травами и чем-то таким, отчего к горлу подкатывала тошнота.

Вторая, Прасковья, кажется, смотрелась не менее странно. Строгое темное платье с глухим верхом, белый накрахмаленный фартук и чепец, из-под которого пробивались седые пряди. Ни грамма косметики, никаких украшений — только суровое лицо, на котором не читалось ни капли сочувствия.

— Пить... — прошептала, ощущая невыносимую жажду, которую не утолило горькое пойло.

Собственный голос показался чужим, слишком тонким и надломленным.

— Ишь, заговорила! — Аграфена фыркнула и снова сунула мне под нос тяжелую глиняную чашу, в которой плескалась коричневая гадость.

Я чуть не захлебнулась, когда жидкости полилась через край. Противные мокрые дорожки потекли по шее и подбородку. Однако туман в голове после этого пойла неожиданно прояснился.

И реальность повергла меня в натуральный шок.

Я находилась в темной каморке из фильмов ужасов, лежала на колючем матрасе, набитом то ли соломой, то ли сухой травой, беспомощная и совершенно обессиленная.

Но самое страшное заключалось в том, что тело мне не принадлежало. Форма ног, узловатые колени, пышная грудь, выпирающая под холщевой тканью сорочки, растрепавшаяся коса темно-русых волос.

И руки... — поднесла их к лицу, с отчаянием глядя на огрубевшие от работы ладони и пальцы с обкусанными ногтями. — Руки были чужими! Никогда в жизни не доводила их до такого плачевного состояния!

— Где я? — повторила, на этот раз более внятно.

— В Фонтанном доме, где ж еще? — Прасковья суетливо перекрестилась. — Запомнала, что ли? Никак двое суток в беспмятстве металась. Его Сиятельство о тебе каждый день справлялся. Священника велел звать, чтоб исповедал. Да ты, видать, помирять раздумала.

— Двое суток? — переспросила, глядя на женщину и понимая, что она не шутит.

Фонтанный дом вызывал у меня двоякие воспоминания. Практика, кабинет графа, новость, разрушившая мою прошлую жизнь, падение со стремянки. Та часть меня еще кровоточила после предательства Матвея. Я помнила его жаркие поцелуи, ласки и... Циничные сообщения в групповом чате универа, куда он, хвастаясь, скинул мои откровенные фотки.

Вторая я осознавала себя крепостной девкой, живущей в этом доме с малых лет. В чужой памяти отпечатались ощущения постоянного голода, страх перед побоями и дикая усталость, на фоне которых ярким пятном сиял облик темноволосого мужчины. Любовь к нему была самым светлым, что было в недолгой жизни той, другой Татьяны.

— Какой сейчас месяц? — прошептала, холодея от жуткой догадки.

— Сентябрь на исходе, восемнадцатого числа день, — Прасковья посмотрела на меня с безгливой жалостью. — Опомнись уже, девка! Тебе молиться надо, чтобы хозяин в деревню не сослал и мне в ножки кланяться, что Аграфену позвала. А не то гнила бы уже в сырой земле.

— А год? — странный говор, эти женщины и само место, где я оказалась, говорили только о том, что я крупно влипла.

— Одна тысяча восемьсот двадцать пятый от рождества Христова, — назвала дату Аграфена, повергая меня в отчаяние. — Помнишь, как звать-то тебя?

— Таня, — назвала себя машинально.

— Ну, вот и славно! — Прасковья с облегчением выдохнула. — Коль имя помнишь, остальное тоже придет. Чудо, что, вообще, выжила. Травы я тебе оставлю, будешь заваривать и пить по чаше в день, чтоб нутро твое зажило. Бог даст, может, и будут у тебя другие дети.

— Дети? — уставилась на женщину. В моем раздвоившемся сознании всплыли откровенные фрагменты чужого прошлого, где я несколько раз была близка с темноволосым красавцем и это не осталось без последствий. — Что с ребенком?

Женщины переглянулись, глядя на меня с жалостью.

— Скинула ты ребеночка-то, — Аграфена тяжело вздохнула. — И сама едва за ним не отправилась. Да вот, господь уберег.

Меня охватило странное чувство потери, будто внутри образовалась зияющая рана. Понятно теперь, откуда взялась режущая боль внизу живота. Вместе с неприятными ощущениями меня накрыло осознанием жуткой действительности.

Мамочки, куда я попала! — глухо застонала, закрыв лицо руками.

Следующая вспышка чужой памяти показала разговор Татьяны с графом. Она сообщила о беременности, желая порадовать светлой новостью. А он холодным тоном объявил, что рожать Татьяна отправится в дальнее имение. Негоже, дескать, перед его невестой с пузом ходить.

Новость о женитьбе графа и скорой разлуке повергла Татьяну в глубокое отчаяние. Она бросилась в ноги, умоляя оставить ее в доме. Но Дмитрий оттолкнул служанку и заявил, что сама виновата. Если бы не «обстоятельства», то никто бы ее никуда не отсылал.

Эти слова так крепко засели в голове девушки, что она решилась на безумный шаг, рискуя жизнью. Нарочно вызвалась на самую тяжелую работу, тягая чугунные утюги и ведра с водой. А в банный день задержалась в парилке подольше, что в итоге и спровоцировало выкидыш.

Дура, она и есть — дура! — мне оставалось только констатировать неприглядный факт. — Татьяна променяла собственного ребенка на сытую жизнь в барском доме и сомнительную честь стать графской подстилкой. А барин тоже хорош! Не виноват он, видите ли, в сложившихся «обстоятельствах»? Неужели не понял, что сам подтолкнул Татьяну к такому решению?

— Он заставил меня? — посмотрела на Прасковью, от которой не скрыть ни одну тайну этого дома.

— Молчи, девка! — шикнула она, оглядываясь на закрытую дверь. — Молчи, дура грешная! Не смей на барина тень бросать! Он и так тебя, считай, помиловал.

— Помиловал? — я обомлела, ощущая, как внутри рождается протест и жгучая ненависть к человеку, отправившему на смерть соблазненную им девушку и собственного ребенка. — Вот так радость! В ноги ему поклонюсь, как только смогу встать.

— Ты гляди, какая дерзкая! — хмыкнула Аграфена, собирая свои склянки в холщовый мешок. — Точно тебе говорю, Прасковья, бес в нее вселился. Гляди, как зыркает, будто сама барыня, а мы перед ней — слуги. В церковь ее надо сводить. Там, глядишь, бесы и выйдут.

— Тише, старая! — одернула старуху Прасковья. — Сами уже разберемся, а ты помалкивай и место свое знай. А не то граф осерчает, велит заporоть на конюшне. А ты, шельма... — смерила меня раздраженным взглядом. — Лежи смирно и носа из каморки не высовывай. Слуги и так уже по углам шепчутся, ни к чему повод для сплетен давать.

Я скрипнула зубами и промолчала, понимая, что спорить сейчас бессмысленно. Не в том я положении, чтобы права качать. Не было никаких прав у крепостных в девятнадцатом веке, а до отмены рабства еще долгих тридцать шесть лет.

Глава 3

Уставившись в закопченный потолок, я лихорадочно вспоминала все, что знала из истории об этом периоде. Возлюбленного Татьяна звали Дмитрий, он же граф Шереметев, сын великого графа и крепостной актрисы.

Неужели он не понимал, каково это, жить между двумя мирами? Почему растоптал любовь девушки, которая ему доверилась? В памяти возник портрет графа, который стал немым свидетелем моей гибели в прошлом.

Пожалуй, для той меня, это был лучший выход. Я бы не смогла дальше учиться, жить в родном городе и ходить по улицам. Но, самое печальное, что смерть не избавила меня от проблем. Сейчас я оказалась в гораздо худшем положении.

Кто я теперь? Крепостная девка, у которой случился выкидыш? Чудо, что, вообще, выжила в условиях жуткой антисанитарии и варварских методов лечения. До открытия антибиотиков еще лет сто, если не больше. Да тут от банальной дизентерии загнуться можно!

Что я помнила о том смутном времени? — поморщившись, с силой потерла виски.

Сентябрь тысяча восемьсот двадцать пятого года: осталось три месяца до восстания на Сенатской площади. Граф Шереметев, в доме которого я оказалась, участвовал в организации военного переворота, нацеленного на свержение царской власти и отмены крепостного права.

Александр первый умрет в начале декабря от лихорадки, подхваченной в поездке по Крыму. Во время присяги новому императору Николаю на Сенатскую площадь заговорщики введут войска. Сергей Трубецкой предаст своих соратников и восстание останется без лидера.

Солдаты будут убеждены, что защищают законные права принца Константина. Генерала-губернатора Милорадовича, способного убедить солдат разойтись, убьют выстрелом в спину. А Николай первый отдаст приказ применить против восставших артиллерию. Погибнут сотни человек, а после последуют казни и ссылки в Сибирь.

И в сердце всего этого безумия я — бесправная крепостная, удел которой работать от зари до зари и угождать хозяину.

Женщины еще шушукались и возились, собирая грязные тряпки и договариваясь об оплате, когда в коридоре раздались гулкие шаги. Прасковья вытянулась по струнке, а Аграфена сжалась в комок и юркнула за топчан, на котором я лежала.

Дверь распахнулась с жалобным скрипом, и в каморку, пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку, вошел мужчина. Высокий, под два метра ростом, широкоплечий, в старинном темном сюртуке, подчеркивающим его крепкую фигуру и военную выправку.

Граф Дмитрий Николаевич Шереметев выглядел точно так, как на портретах. Только они не могли передать животного магнетизма и особого ореола властной силы, исходящие от этого человека.

— Выйдите все! — приказал он, глядя только на меня.

Прасковья и повитуха исчезли так быстро, будто их сдуло сквозняком. А мне сделалось не по себе от давящей ауры графа и пытливого взгляда, соединившего в себе раздражение и скрытую тревогу.

— Жива, значит, — кивнул он в такт своим мыслям. — Ты доставила много хлопот. Я надеялся, что твой деликатный вопрос разрешится гораздо тише и быстрее. Ты понимаешь, что твои стенания могли привлечь внимание тех, кому о подобных вещах знать не следует?

— Простите, Ваше Сиятельство, что не умерла и расстроила вас этим фактом, — выдохнула хрипло, ощущая, как бешено колотится сердце. — В беспамятстве я себя не контролировала, но вы ведь легко могли оборвать мои мучения. Или рука не поднялась?

— Ты дерзишь мне? — у графа брови взметнулись наверх, и он шагнул к кровати, нависая надо мной своим немаленьким ростом. — Кажется, ты забыла свое место! — процедил он. — Ты — моя собственность, Татьяна. Я волен сделать с тобой, что захочу. Будь благодарна, что не отправил в дальнее имение, как собирался.

— Благодарна? — на глаза навернулись слезы жгучей обиды и несправедливости, но я не позволила пролиться ни одной слезинке. — За что? За то, что не оставили выбора и обесчестили меня? Или за гибель невинного существа, которое стало для вас помехой одним только фактом своего существования?

— Молчи! — граф резко наклонился ко мне и схватил за подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. — Иначе велю выпороть на конюшне. Ты не в том положении, чтобы рассуждать о выборе. Ты — ничто, моя вещь, с которой я волен делать, что захочу!

— Так, прикажите! — выпалила, содрогаясь от страха, что он действительно может сделать со мной, что угодно, и закон при этом будет на его стороне. — Вы ведь уже убили меня и своего нерожденного сына... Живите с этим, как знаете.

Граф отпрянул, будто обжегся. В его взгляде что-то изменилось. В комнатке повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием свечи.

Молчать надо было! — дала себе мысленную оплеуху. — Молчать, потому что крепостные девки не имели права так разговаривать с хозяевами. Но я каждой клеточкой противилась вопиющей несправедливости и просто не могла по-другому. Быть может, позже научусь опускать взгляд и терпеть оскорбления в свой адрес. Но сейчас чувствовала себя так гадко, будто извращалась в грязи.

— Ты изменилась, Татьяна, — холодно произнес Дмитрий, нарушив затянувшуюся паузу. — Стала какой-то чужой. Взгляд совсем другой, манера речи. Не понимаю, куда делась та испуганная девчонка, которая клялась мне в вечной любви, трепетала от одного только взгляда и была готова на все?

— Она умерла, Дмитрий Николаевич, — печально усмехнулась, ощущая боль несчастной девушки из девятнадцатого века, как свою. — Умерла в тот миг, когда осознала, что между

хозяином и его вещью любви быть не может. Я больше не верю вам и не надеюсь на вашу милость.

Граф долго смотрел на меня, а я, ничуть не тушуясь, не отводила прямого взгляда, в котором застыла вся моя боль от предательства в прошлом и горького настоящего.

Дмитрий первым разорвал зрительный контакт и выпрямился, поправляя накрахмаленные манжеты рубашки. Развернувшись, он направился к двери и уже на пороге остановился, бросив через плечо:

— Поправляйся, Татьяна. Твою дерзость я спишу на помутнение рассудка после болезни. Даю тебе неделю, после чего вернешься к своим обязанностям. И упаси тебя бог еще раз заговаривать со мной в таком тоне!

Глава 4

Невольно вздрогнув, когда за графом громко захлопнулась дверь, я обмякла, осознавая, что все это время была натянута, как струна. На душе кошки скребли и клокотала не выплеснутая ярость, перемешанная с липким страхом перед Дмитрием. От одной мысли, что моя жизнь полностью зависела от этого человека, волосы на коже становились дыбом.

А эта его угроза напоследок? Он ведь не шутил, что за очередной дерзостью последует наказание. Слова из учебника, что крепостных били плетью и наказывали за малейшую провинность, обретали иной смысл.

Меня никто не защитит в этом доме! Здесь всем плевать на мои желания, да и на мою жизнь — тоже.

Я никому не нужна!

Однако долго предаваться унынию и рефлексировать мне не дали. Скрипнула дверь, и на пороге возникла Прасковья с выражением странной деловитости и облегчения на лице.

— Ну, будет тебе валяться, Танька, — проворчала она. — Жива — и слава Богу! Вставай, нечего тут разлеживаться. Барин велел тебя в девичью перевести, на антресоли (помещения с низкими потолками в верхней части здания, под крышей, в арочных проемах).

Подняться оказалось непросто. Противная слабость не позволяла сделать лишнего движения без того, чтобы не закружилась голова.

Стоило опустить босые ноги на холодный пол, как комната закачалась, будто палуба корабля. Живот отозвался тупой болью, напоминая о недавней потере.

Но у Прасковьи не сорвешься. Она крепко подхватила меня под локоть и потащила за собой. Я еле успевала переставлять ноги, глаза по сторонам и цепenea от страха, что все это происходит на самом деле.

Антресольные этажи пахли застоялым дымом, низкие потолки давили на плечи, а каждый сантиметр свободного пространства был чем-то занят. Девичьей оказалась тесная комнатка, куда втиснули пять узких кроватей, застеленных лоскутными одеялами.

Возле каждой притулилось по небольшому сундуку для личных вещей, а остальное свободное пространство было занято нагромождением тазов и завешано веревками с сушившимся на них бельем. Спертый запах воска, дешевого мыла и пота вызывал тошноту.

— Танюша! Живая! — ко мне бросилась темноволосая хрупкая девушка.

Память услужливо напомнила, что это младшая горничная Фекла. С этой девушкой у прежней Татьяны сложились дружеские отношения. Недаром в теплых карих глазах светилось искреннее сострадание. Она попыталась обнять меня, но не решилась, заметив, что я еле стою на ногах.

— Мы уж думали, не увидим тебя больше, — девушка бережно подхватила меня под руку и помогла присесть на койку. — Прасковья Ивановна запретила тебя навещать. А мы молились, свечки в домовый церкви ставили, честно-честно!

— Молились они, как же! — раздался из угла комнаты недовольный голос. Он принадлежал Глашке — девице лет двадцати, которая завидовала Татьяне и обозлилась на весь мир. — Чай, собственные грехи отмаливать ходила, а не душу ее, — криво усмехнулась, обнажая неровные зубы. — Поглядите-ка, все — «барыня» вернулась. Что, приелись графские харчи? Теперь с нами горькую кашу будешь жрать? Позорище! И за что только тебя в доме оставили, девку порченую?

— Молчала бы ты, Глаша, — окоротила ее третья соседка Анфиса. — Только ядом плещешь, а толку от тебя никакого. Вот узнает барин, что ты его решения осуждаешь, будет тебе некогда.

Я молча окинула взглядом девушек, понимая, что с ними теперь придется жить вместе, и тяжело вздохнула.

«Ты — ничто, моя вещь», — из головы не выходили слова Дмитрия.

Они раскаленными гвоздями впивались в мозг, нашептывая, что я навеки прикована к проклятому дому. У меня не было ничего своего, моя жизнь полностью находилась во власти незнакомого человека.

Первая неделя пролетела как в тумане. Организм восстанавливался быстро, но морально раз за разом я проваливалась в бездну, балансируя на грани отчаяния. Закрывая глаза, видела экран телефона с проклятыми фотками, будто вживую слышала жесткие слова Матвея, растоптавшего мои чувства. Его лицо сменялось на холодный взгляд Дмитрия, который наигрался со служанкой и бросил ее, потому что надумал жениться.

Нам обоим любовь не принесла ничего, кроме боли и скорой гибели. Ни одному мужчине после такого я больше не поверю. Никто из них не стоил и сотой части тех страданий и мук, которые нам довелось пережить.

Однако все когда-нибудь заканчивается. На утро восьмого дня Прасковья лично заявила в нашу каморку, чтобы поднять пораньше и распределить фронт работ.

— Довольно прохлаждаться, Татьяна, — сурово произнесла она. — Пора тебе уже приносить пользу нашему барину.

За неделю я привыкла, что девушки поднимались рано и шуршали одеждой, собираясь на работу. Умывались ледяной водой над тазиком, поливая друг другу из кувшинов. Я вздрагивала каждый раз, когда вода обжигала кожу холодом.

Форменное платье служанки было пошито из серого льна, кусачего и грубого к телу. Поверх надевался длинный белый фартук, волосы закрывал чепец. Выбирать, что носить, не приходилось, никто и не роптал, давно не обращая внимания на все эти неудобства.

— Татьяна, сегодня идешь на черную лестницу, — распорядилась Прасковья. — Печи в малом флигеле надобно протопить, воду на кухню натаскать, медь в столовой вычистить до блеска.

Первый рабочий день превратился для меня в настоящий ад. Никогда не думала, что вода в деревянных ведрах может быть такой тяжелой. Ноша оттягивала руки так, что, казалось, вот вывернутся суставы.

Подниматься по узкой лестнице с полными бадьями — настоящая пытка. Живот от подобной нагрузки моментально заныл, напоминая, что нельзя женщинам таскать такие тяжести. Но мои трудности никого не волновали. Наоборот, Глашка еще и толкнула плечом, когда проходила мимо.

— Шевелись, фаворитка немощная. Чай, не на балу теперь.

Закусив губу до крови, я промолчала. Гордость, которая прежде позволяла ставить хамов на месте, превратилась в тяжелый камень.

Слышимость на антресолях хорошая. За склоки Прасковья сразу отправляла спорщиков на конюшню, где пара конюхов охаживали их плетью.

Да и что тут ответишь? С опозоренными девками никто особенно не общался. Пока меня граф выделял многие заискивали, пытались завести дружбу. А как стала неугодной, вмиг отвернулись и проходили мимо, будто я пустое место.

Но самым неприятным оказалось не презрение слуг, а чистка печей. Приходилось выгребать золу руками, пачкаясь в жирной копоти, которая забивалась под ногти, в поры кожи, волосы. Щелок, с которым мыли полы и стирали вещи, разъедал мелкие трещинки на пальцах, раздражал кожу.

Мне дико не хватало крема, чтобы смазать мелкие ранки. Да много чего не хватало, чему в прошлой жизни я не придавала значения. О туалетной бумаге тут никто не слышал, а сами ретирадники (уличный туалет с выгребной ямой) находились во дворе, куда не набегаяешься. Всего пять штук на почти сотню человек прислуги. Господа ходили в специальные горшки, выносить которые надлежало слугам. Противное занятие, но это смотря, с чем сравнивать.

Единственный человек, которому были не безразличны мои страдания, это Феклуша. Она помогала, когда видела, что я загигаюсь под тяжестью ведер. Жалела меня, поддерживала добрым словом. Но я видела, что ей тоже непросто. Нас всех нагружали работой так, что к ночи мы падали от усталости.

— Спасибо, Феклуш, — выдохнула еле слышно, когда в очередной раз чуть не надорвалась с этими ведрами. — Я справлюсь.

— Ты только под ноги барину не попадайся, — предупредила она, озираясь. — Он сегодня в дурном расположении духа. Все в доме про свадьбу с этой немкой толкуют. Злой, говорят, как черт.

Как же мне в этот момент было наплевать и на графа, его невесту и их чертову свадьбу. Анна Бенкендорф была для графа выгодной партией. За несколько дней все эти тайные общества и декабристы отошли на второй план.

Какое мне до них дело, когда я не чувствовала ног от усталости? Спина превратилась в сплошной комок боли, а низ живота предательски ныл каждый раз, когда приходилось затащить громоздкие багги по лестницам.

Вторая неделя моей новой жизни подходила к концу, когда в коридоре раздался резкий звонок колокольчика.

— Это тебя! — Глашка злобно зыркнула на меня завистливым взглядом. — Иди уже, «радость» наша. Его Сиятельство желают чаю из твоих рук.

У меня в груди все перевернулось. Зачем я ему понадобилась? Неужели остыл и решил вернуться к сломанной игрушке?

Глава 5

Я бегом отправилась на кухню, где всегда наготове имелся кипяток. Повариха Тася уже заварила ароматного чая и положила свежего печенья в вазочку. Мне оставалось только поставить все на поднос и отнести графу.

Руки дрожали, пока я поднималась по лестнице на господский этаж. Фарфор предательски позвякивал, а каждый шаг отдавался в пояснице ноющей болью. Но я лишь крепче стискивала зубы, мысленно готовясь к предстоящему разговору. Ясно же, неспроста он снова позвал именно меня, спустя две недели.

Тихонько постучавшись, я выждала полминутки и вошла в знакомый кабинет. Сейчас он выглядел иначе, чем в прошлом. Стены были оббиты дорогим шелком, книжные полки наполнены совсем другими книгами, а на стене висели портреты императора и покойного графа Николая Шереметева.

Дмитрий сидел за массивным дубовым столом, заваленным бумагами. В свете масляной лампы его лицо напоминало красивую и непроницаемую античную маску. Когда я вошла, граф даже не поднял головы, лишь жестом указал на кофейный столик у окна.

Башмаки прислуге полагались грубые, на деревянной подошве, стук которых был слышен издалека. Но здесь звуки шагов глушились мягким ворсом персидского ковра. Я двигалась, как заведенный механизм: прошла к столику, поставила поднос, расставила чашки на столике, налила чай, стараясь не пролить ни капли мимо.

Сосредоточившись на сервировке, я на мгновение позабыла о Дмитрие. А вот он, наоборот, уже отвлекся от бумаг и наблюдал за мной пристальным взглядом.

— Ты сегодня бледнее обычного, Татьяна, — неожиданно произнес он, нарушая мирную тишину.

Я вздрогнула, как от удара, но ничего не ответила. Лишь крепче стиснула зубы и присела в коротком реверансе, отточенном до автоматизма, намереваясь сразу же уйти.

— Я спросил о твоём здоровье, если ты не поняла! — Дмитрий поднялся и подошел ко мне, обдавая запахом одеколона и чем-то мужским, неуловимо опасным.

Граф протянул руку, намереваясь коснуться моих пальцев, испачканных в золе, от которой невозможно было полностью отмыться в холодной воде. Я непроизвольно отшатнулась и только потом осознала, что подобное действие непозволительно для крепостной. Однако внутри меня все протестовало против внимания этого человека.

— Вашими молитвами, Ваше Сиятельство, — ответила бесцветным голосом, глядя в пол.

— К чему это равнодушие? — я не видела лица Дмитрия, но ощущала вспыхнувшее в голосе раздражение. — Ты жива и все еще в этом доме. Прасковья говорит, ты слишком усердствуешь в работе. Зачем? Тебе велено восстанавливать здоровье.

Здоровье? Усердствую? Как будто я могла отказаться! — эта показная забота стала последней каплей моего терпения. Вся горечь, накопленная за неделю, несправедливость, неподъемные ведра с водой, щелок, разъедающий кожу, и осознание того, что в этом доме я лишь предмет интерьера, выплеснулись наружу.

— Велено восстанавливаться? — подняла разгневанный взгляд на Дмитрия и по тому, как расширились его зрачки, осознала, что уже только этим допустила огромную ошибку. — Как будто я могу отказаться от той работы, что мне поручают. Делаю, что велят, и каждый вечер думаю, что на утро уже не поднимусь. Но вам ведь нет до этого дела, правда? Вы используете людей, как расходный материал. Сломается человек — не проблема, замените на другого.

— Что ты несешь? — Дмитрий полыхнул яростным гневом.

Он резко шагнул ко мне, вскидывая руку, будто собирался ударить. Я не шелохнулась и не зажмурилась, глядя на графа и ощущая, как внутри звенит натянутая струна.

— Скажите, Ваше Сиятельство, — выдохнула дрожащим голосом, — ваш отец также обращался с вашей матушкой? Тоже бил, когда она правду ему в лицо говорила?

Я расслышала явственный скрип зубов. Рука Дмитрия зависла в воздухе, пальцы судорожно сжались в кулак. В кабинете повисла такая тишина, что было слышно, как за окном завывает ветер.

Похоже, я задела графа за живое. Его отец, Николай Петрович Шереметев, женился на Прасковье Жемчуговой, бывшей крепостной актрисе. Кто знает, если бы родители не погибли, когда Дмитрию исполнилось шесть лет, возможно, его отношение к слугам было бы иным?

— Как ты смеешь произносить ее имя? — процедил Дмитрий таким угрожающим тоном, что у меня подогнулись колени. — Тупое ничтожество, кто дал тебе право оскорблять светлую память моей матери?

— Я никого не оскорбляла, — возразила, понимая, что уже не могу остановиться. — Вы сами делаете это каждый раз, когда видите в слугах — лишь скот, неспособный чувствовать и мыслить. Но мы тоже созданы из плоти и крови. Мы чувствуем боль и умеем ненавидеть также сильно, как вы научились нас презирать. А то, что мы глупее, так это лишь от того, что у нас нет ваших книг и учителей. Образованный работник принес бы вам втрое больше пользы, чем забитый раб, который только того и ждет, когда хозяин отвернется.

— Вот как? И какую же пользу мне принесет грамотная девка? — прошипел Дмитрий, убирая за спину руку, сжатую в кулак. — Что она сможет? Читать романы на французском и мечтать о невозможном?

— Отчего же? Грамотная экономка смогла бы вести учет припасов, не позволяя приказчику делать приписки или воровать, — возразила, уверенная, что меня в этом вопросе не переспорить. — Или понимать, как устроены механизмы, которые используются в быту, и не ломать их по незнанию. Попробуйте научить нескольких людей, дать им хоть каплю знаний, и вы сразу увидите результат. Но вы ведь этого никогда не сделаете. Потому что опасаетесь, что тогда мы слишком станем похожи на вас?

Дмитрий буравил меня тяжелым нечитаемым взглядом и смотрел так, будто видел впервые. В нем будто боролись два человека. Один — яростный и непримиримый граф, чей авторитет только что подорвали явным неподчинением, и второй — революционер, который сражался за великую идею.

Он уже открыл рот, чтобы ответить мне, но дверь кабинета внезапно распахнулась. На пороге появился Архип, старый камердинер, заправляющий мужской частью слуг.

— Ваше Сиятельство, — мужчина почтительно поклонился. — Гости прибыли. Господа Рылеев и Оболенский ожидают вас в малой гостиной.

Дмитрий вздрогнул, мгновенно надевая маску бесстрастного аристократа. Казалось, он тут же забыл обо мне, переключившись на более важные государственные вопросы.

— Свободна! — бросил мне небрежно. — Но разговор не окончен. Ты будешь наказана за дерзость — я своих решений отменять не намерен.

Глава 6

Внутри все сжалось от осознания, что за вспыльчивость придется отвечать. Схватив пустой поднос, выбежала из кабинета, но уже через несколько шагов привалилась к стене, ощущая, как подгибаются колени.

Через минуту дверь снова распахнулась, выпуская камердинера. Я кинулась к ближайшему служебному проходу для слуг и понеслась вперед, не разбирая дороги.

Дура! Зачем разозлила? Зачем напомнила о матери, зная наверняка, что это вызовет его гнев?

Перед глазами все еще стояло разгневанное лицо Дмитрия, в ушах звучал его голос, от тембра которого все переворачивалось внутри, замирая от страха и странного триумфа, вызванного собственной смелостью.

На третьем повороте темного коридора я вдруг поняла, что заблудилась. Проходы для слуг в этом доме образовывали настоящий лабиринт. Они скудно освещались огарками свечей, которых было недостаточно, чтобы в полутьме понять, куда я забрела.

Свернув дважды направо, а затем налево, я рассчитывала выйти к прачечной или хотя бы к кухне, когда ощутила сквозняк и расслышала приглушенные мужские голоса. Вжавшись в стену, постаралась выровнять дыхание, чтобы не выдать себя каким-нибудь лишним звуком.

— ...времени почти не осталось, Дмитрий Николаевич, — произнес резкий, напористый голос. — Государь болен. Если в Таганроге случится непоправимое, мы должны быть готовы.

— Спешка в этом деле ни к чему. Мы рискуем своими жизнями, Кондратий Федорович, — ответил ему мой хозяин, — и благополучием наших семей. Мои ресурсы в вашем распоряжении. Но сами понимаете, что без поддержки армии ничего не получится.

У меня глаза на лоб полезли, когда я осознала, что стала невольным свидетелем заговора. Рылеев и Оболенский — идейные вдохновители и члены Северного общества. События, которые раньше были для меня строчками в учебнике, оживали прямо на глазах.

Стараясь не шуршать юбками и крепко прижав поднос к груди, я подошла поближе и заглянула в приоткрытую дверь. Через узкую щель рассмотрела часть гостиной. Дмитрий стоял у камина, сжимая в руке стопку бумаг. Рядом с ним двое мужчин склонились над картой, разложенной на ломберном столе.

— Списки готовы? — поднял голову тот, что помоложе.

— Здесь, — Дмитрий похлопал по карману сюртука. — Списки всех сочувствующих в полках и объемы финансирования. Если эти сведения попадут в Тайную канцелярию, нам всем конец.

Я похолодела, понимая, что граф Шереметев, в прошлом участвующий в подавлении мятежа, оказался одним из активных его организаторов. Отступив в тень служебного коридора, я отчаянно соображала, что мне теперь делать с этой тайной.

Сердце колотилось, как сумасшедшее, пока в голове лихорадочно выстраивались мысли. Вот они, передо мной, живые люди, сошедшие со страниц истории. Кондратий Рылеев, пламенный поэт с горячечным блеском в глазах. Евгений Оболенский, главный организатор восстания на Сенатской площади, и мой хозяин, Дмитрий Шереметев, обещавший непременно наказать меня за дерзость.

Как иронично сложилась судьба, когда деспот и тиран в личной жизни на поверку оказался либералом и заговорщиком. Одной рукой он "подписывал приказ" о наказании крепостной девки, а другой строчил конституцию, заботясь о благе народа.

— Господа, вы же понимаете, что промедление равносильно самоубийству? — резкий голос Рылеева заставил меня вздрогнуть. — Если мы не выступим в момент присяги, Николай раздавит нас поодиночке.

Проклятье! Я ведь прекрасно знала, чем все это закончится: пятеро отправятся на виселицу, десятки аристократов будут сосланы в Сибирь, а на площади погибнут сотни солдат.

А что, если в этом прошлом история пойдет по другому пути? Что, если вскроется участие Дмитрия и его арестуют?

Нас же всех пустят с молотка! Разделят, продадут в разные губернии, как племенной скот. Что станет тогда со мной? Не попаду ли я к еще более жестокому хозяину?

Я не должна допустить, чтобы Дмитрия заподозрили в заговоре. — Прикрыв глаза, ощутила, как по спине стекают капли ледяного пота. — Не ради него, вот уж нет! Черт бы его побрал вместе со спесивым высокомерием! А ради самой себя! Я же знаю, какие ошибки допустили заговорщики, и как можно этого избежать.

Что, если у меня получится сделать так, что крепостное право отменят на тридцать шесть лет раньше? Этим я спасу множество жизней! Спасу себя, ведь у меня появится возможность устроить свою жизнь. Грамотная экономка, секретарь, личная помощница — да кто угодно, лишь бы не бесправная крепостная.

Это мой шанс! Единственный, который сможет изменить жизнь в лучшую сторону.

Дождавшись, пока гости обсудят планы и покинут гостиную, я проскользнула обратно к лестнице. Мне следовало предупредить Дмитрия, что информация о заговоре уже просочилась в Тайную канцелярию. Я решила написать графу записку и оставить ее в кабинете. Но прежде следовало проникнуть туда так, чтобы никто не видел.

Заходить в комнаты хозяев без спросу — верный способ огрести кучу проблем, но сейчас это не имело значения. Важнее было сделать то, что я задумала.

Проскользнув в кабинет, приблизилась к массивному письменному столу. Свечи в канделябре уже догорали, выпуская сизые струйки дыма и освещая узкий клочок пространства над столом.

Взгляд зацепился за стопку чистой гербовой бумаги и чернильницу с перьями. Недолго думая, я взяла лист и вывела на нем дрожащей рукой:

«Ваше Тайное общество под наблюдением. В Тайной канцелярии уже знают имена. Уничтожьте списки, они станут вашей погибелью».

Записку я свернула вдвое и положила поверх карты Петербурга, чтобы Дмитрий сразу ее заметил. Затем, повинувшись внезапному порыву, стащила еще один чистый лист и огрызок карандаша, которым Дмитрий делал пометки на полях. Удержать в памяти даты, имена и важные моменты было невозможно, поэтому я планировала записывать важную информацию. Проблема была только в том, чтобы записи никто не обнаружил.

Назад пробиралась босиком, стараясь двигаться неслышно, как тень, и вздрагивала от каждого звука скрипнувшей половицы. В девичьей было тихо. Служанки спали, наработавшись за день, и вряд ли могли кому-нибудь выдать, во сколько я пришла.

Бумага и карандаш отправились на дно сундука, в котором хранились скудные пожитки: два сменных чепца, сорочка и панталоны, теплые носки и молитвенник, доставшийся прежней хозяйке тела от матери. В нем и спрятала сложенный вчетверо лист вместе с карандашом.

Но прежде, под светом луны, падающего в комнату через окно на скошенном потолке, я мелким убористым почерком записала все, что вспомнила из лекций по истории России XIX века.

Значение имела любая информация: имена, даты, ключевые ошибки заговорщиков. Память историка цеплялась за малейшие детали. Кто оказался предателем или трусом, кто выстоял под следствием, кого сослали в Сибирь или арестовали. Возможно, используя эти знания, у меня получится воздействовать на Дмитрия и заставить его действовать иначе?

А для этого — вот проклятье! — придется сойтись с ним ближе.

Закончив работу, я спрятала записи на дно сундука и легла на кровать, впервые ощущая, что засыпаю с надеждой, что завтра все будет иначе.

Не успела я сомкнуть глаза, когда меня толкнула в плечо Прасковья Ивановна.

— Подъем, грешная! — хрипло прошептала она. — Барин велел тебя выпороть.

Глава 7

Ничего не понимая спросонок, я накинула платье и, сунув босые ноги в башмаки, поплелась вслед за экономкой. Она привела меня на задний двор, пропахший прелым сеном и удушливым смрадом выгребных ям.

Я толком не успела сообразить, что происходит, как двое дюжих конюхов подхватили меня под руки и уложили на лавку лицом вниз.

— Ишь, загордилась она! — долетел до меня ядовитый смешок Глашки, которая притащилась посмотреть, как меня будут наказывать. — Сейчас тебе хвост-то поприщемят, фаворитка недоделанная.

Я задохнулась от стыда и ужасающего чувства унижения, когда мне резко задрали подол, обнажая спину и бедра. За подобное обращение в наше время засудили бы извергов, раздули такой скандал, что мало бы никому не показалось. Но здесь и сейчас я была просто вещью, которую следовало проучить за дерзость.

Первый удар плети сорвал с моих губ протяжный всхлип. Меня будто полоснули по коже раскаленным прутом. Я впилась зубами в собственное запястье, прокусывая его до крови, чтобы не закричать.

Не дождутся! Только не перед этой сворой, жаждущей моего падения.

Раз. Два. Три. Пять. На десятом ударе я потеряла счет, провалившись в багровую муть, застилающую глаза. Каждый удар выбивал кислород из легких, а тело горело так, будто меня заживо поджаривали на медленном огне.

Когда все закончилось, меня просто спихнули с лавки, как мешок с картошкой.

— Иди, работай! — с ухмылкой бросил конюх, вытирая пот со лба. — В другой раз умнее будешь и запомнишь, что перечить барину — себе дороже.

Кое-как, придерживаясь за лавку, чтобы не упасть, я поднялась и поплелась к черному входу. Каждый шаг отдавался пульсирующей болью в избитом теле. Хотелось рухнуть на землю и умереть, но я упрямо продолжала ползти вперед.

— Танюша, больно? — подскочила ко мне Фекла, едва переступила порог людской. Она сунула мне в руки мокрую тряпку и шепнула, чтобы никто не слышал: — Приложи, пока Прасковья не видит. Ох, и лютует она сегодня...

Рабочий день после порки превратился в сплошную пытку. Экономка будто нарочно отправляла меня на самую грязную работу, заставляла тягать тяжести и выгребать золу.

Меня не покидало горькое ощущение от упрека Дмитрия, что я сама хватаюсь за тяжелую работу.

Ага, как же! Мне же велено восстанавливать здоровье. Порка как раз этому способствует. После такой экзекуции не то, что двигаться, лежать больно.

Еще одна неделя пролетела в изнурительном труде. Подъемы в пять утра уже не пугали. Рук я обычно не чувствовала к вечеру, натягившись ведер с водой. От молочной сыворотки и соли, которой чистили подсвечники, подушечки пальцев превратились в сплошные мозоли. Спина и ноги ныли от бесконечной беготни по лестницам. И отдельной песней была однообразная еда, от которой желудок сжимался в тугой комок.

Меня поражали кулинарные шедевры девятнадцатого века. При том, что господам подавались вполне съедобные и даже изысканные блюда, слуг ежедневно кормили щами, в которых плавали одинокие листья капусты и подозрительные куски сала. К тарелке шей прилагался черствый хлеб, а на ужин обычно подавали кашу и чай. По четвергам в доме готовили рыбу, а в выходной всем раздавали по куску сладкого пирога.

Первые дни я устраивала молчаливую забастовку, не желая хлебать непонятную бурду. Но через три дня тяжелой работы сдалась, проклиная все на свете, потому что голодная я бы рухнула посреди коридора без сил. Теперь же молча поглощала выделенный паек, глотала горячие ложки каши, стараясь не думать, как и в каких условиях это было приготовлено.

— Таня, ты чего это? — Фекла уставилась на меня, когда я за вечерним чаем машинально придвинула к себе обрывок газеты, неизвестно откуда взявшийся на столе.

Проклятье! Неграмотная горничная не могла с таким интересом рассматривать заголовки.

— Картинки смотрю, и на буквы чудные. Они букашек напоминают, не находишь? — соврала на ходу.

Но Фекла, видимо, не первый день за мной наблюдала и подмечала вещи, на которые я совершенно не обращала внимания.

— А кто вчера пересчитал стопку простыней быстрее, чем Прасковья? И Глашку ты поправила, когда она исковеркала название французского десерта, — указала девушка на явные огрехи, вынуждая меня замереть с недонесенной до рта ложкой. — Ты будто заново родилась. Говоришь иначе, ходишь, расправив плечи, и смотришь на нас так, будто все знаешь.

Я заставила себя сунуть ложку в рот и прожевать содержимое, прежде чем проглотить. Затем посмотрела на подругу, которая невольно поежилась, и перевела взгляд на Глашку.

С Феклой-то ладно, не выдаст. А эта кривоzubая змеюка следила за каждым моим шагом и, вероятно, точно также подмечала странности. Гадина метила на мое место и явно искала повод, чтобы еще сильнее меня очернить. Недаром постоянно крутилась возле моего сундука и принималась к вещам.

Знала бы она, что в молитвеннике спрятан документ, способный вынести приговор десяткам дворянских семей. Нет, надо срочно перепрятать записи. Вот только куда?

Накал подозрений нашел выход в бельевой, где Прасковья билась над амбарной книгой, что-то яростно вычеркивая и бормоча под нос проклятия.

— Опять не сходится, — простонала она с глухим отчаянием. — Свечи эти проклятые... И щелок... Барин проверит расходы, прикажет высечь и в деревню сошлет за растрату.

Я подошла ближе, делая вид, что проверяю, хорошо ли сложены наволочки, и бросила взгляд на кривую колонку цифр. Ошибка лежала на поверхности. Экономка дважды прибавила расход на закупку мыла и забыла вычесть остаток.

— Прасковья Ивановна, позвольте? — я скромно указала пальцем на просчет. — Вот здесь у вас лишнее. Если тут перенести десяток, то все сойдется копейка в копейку.

— Ты что же, грамотная? — у экономки вытянулось лицо от удивления. — И считать умеешь?

— Матушка покойная научила, — соврала, не моргнув глазом.

Прасковья долго молчала, переводя взгляд с меня на книгу и обратно. В ее глазах боролись подозрительность и отчаянная надежда.

— Вот что, — наконец произнесла она, захлопывая книгу. — Будешь помогать мне со счетами. Но так, чтобы ни одна душа не прознала! А за это... За это я тебя на тяжелые работы ставить не буду. В зимний сад отправлю, будешь там за оранжереей присматривать. Барин любит, чтобы порядок везде был, а Наташка там все горшки уже побила.

— Договорились! — я просияла, радуясь тому, что нашла способ облегчить собственную жизнь.

Зимний сад после ведер с водой и печей показался мне раем. Под стеклянными сводами, наполненными влажным ароматом экзотических цветов, дышалось легче. А ухаживать за растениями совсем не сложно.

У меня дома осталась куча цветов на подоконнике. Наверное, они погибли, когда меня не стало.

Мысли о доме вернули меня в далекое прошлое. События, закрутившие мою жизнь в крутой водоворот, не давали свободной минутки, чтобы подумать о чем-то, кроме выживания.

А теперь мне вспомнилась мама. Как они с отцом восприняли мою гибель? Наверняка это стало для них страшным ударом. Вряд ли они могли предположить, что их дочь окажется в прошлом и станет крепостной служанкой.

Глава 8

Работа в оранжерее помогла немного прийти в себя и восстановить силы. Только раны после порки затягивались плохо. Их бы чем-нибудь обработать, да только не было под рукой никаких средств.

— Что за блажь? Само заживет, — «приободрила» экономка, когда я заикнулась о каком-нибудь лечебном средстве.

Это только в книжках попаданки сразу вспоминали бабушкины рецепты и начинали варить мыло, делать косметику на коленке и восстанавливать хозяйство.

Ну, знаю я, допустим, что в состав заживляющей мази входил декспантенол. Как мне это помогло?

Да даже обычную ромашку или подорожник надо было где-то собрать, а после отвар сделать.

В оранжерее я чудом обнаружила кустик подорожника, когда выпалывала сорняки. Его листочки размяла в ладонях до появления сока и приложила к пояснице, изворачиваясь и шипя от боли.

Вечером просила Феклушу промыть раны и наложить на них зеленую кашицу. Спать приходилось на животе, потому что спина нещадно горела.

Прасковья Ивановна регулярно вызывала меня к себе, требуя помощи со счетами. Только они меня и спасали от неподъемного труда и печной копоти. Экономка в такие минуты смотрела на меня со смесью страха и благоговения, шептала молитвы и втайне осеняла крестом.

О матери-то соврала, а Прасковья сделала вид, что поверила. Выросла же я у всех на виду и прежде не демонстрировала таких способностей. Но плевать я уже хотела, кем они меня считали, лишь бы не заставляли тягать ведра и выгребать золу.

Несколько дней покоя уверили меня, что жизнь потихоньку налаживается. Ровно до тех пор, пока дом не забурился кипучей деятельностью, готовясь к большому приему. В парадных залах спешно наводили чистоту, натирали паркет до зеркального блеска, протирали стекла и медные ручки, начищали дубовые панели и выметали пыль.

Золотая лепнина засияла в блеске тысяч свечей, дом озарился светом, начали прибывать гости в нарядных шелковых платьях и военных мундирах. Дворец наполнился шумом голосов, музыкой и ароматами французских духов.

Однако стоило из парадных залов шагнуть в служебный коридор и попасть в людскую, как в глаза бросался резкий контраст между двумя мирами. На кухне царил хаос: в котлах и на печках все шкворчало и дымилось, суетливо бегали повара, зычно покрикивали кухарки. Коридоры пропахли щелоком, горелым салом и людским потом. Изможденные слуги носились, как угорелые, опасаясь попасть под горячую руку дворецкого.

Прежде чем отправить нас прислуживать господам, Прасковья тщательно проверила наш внешний вид. Серое выглаженное платье, накрахмаленный фартук и белый чепчик, чистые руки — все должно быть одинаковым и безликим. Главное наставление — угождать гостям, не смотреть им в глаза и спину гнуть почаще.

Одинаковая униформа и опущенные взгляды делали нас предметами мебели. Я порази-лась тому, что меня почти не замечали. Мужчины, не стесняясь, обсуждали любовниц и поли-тику, делились слухами и секретами. Поначалу такое отношение показалось унижительным, но затем я поняла, что в этой незаметности есть свои преимущества. Например, я могла узнать о планах заговорщиков, не прячась у слухового окошка, а спокойно разливая чай по чашкам.

— Татьяна, быстро носи вино в малую гостиную! — перехватил меня Архип на выходе из бального зала и подтолкнул к проходу на второй этаж. — Господа удалились для важной беседы. И смотри там, не разбей ничего.

Я взяла тяжелый серебряный поднос и тихонько зашла в комнату. Руки дрожали от волне-ния, потому что здесь собрался цвет петербургского общества. Мне приходилось внимательно следить, если у гостей пустели бокалы и подливать им вино из пузатых бутылок, или морс, подавать закуски.

Центром внимания сегодняшнего вечера стала Анна Бенкендорф, красивая и безупреч-ная аристократка с вымораживающим взглядом стервы. Она улыбалась Дмитрию, а он весь вечер уделял внимание только ей.

Помимо нее в гостиной присутствовал Никита Муравьев — один из основателей Север-ного общества. Он выглядел иначе, чем на портретах, а в общении казался мягким и спокой-ным. Со слугами обращался вежливо, благодарил за работу. Он даже кивнул мне, улыбнувшись кончиками губ, когда я подала ему бокал. А у меня сердце екнуло от осознания, что через пару месяцев этот человек станет государственным преступником.

В отличие от него, Михаил Лунин не скрывал своего любопытства и умения подмечать детали. Его взгляд задержался на мне дольше обыкновенного, совсем не так, как другие господа смотрели на прислугу. Вспыхнув румянцем, я отвела взгляд, тут же уставившись в пол.

— Какая у вас интересная горничная, Дмитрий Николаевич, — заметил Лунин. — Взгляд совсем не холопский. Слишком умный для дворовой девки.

— Глупости, Михаил, — Дмитрий даже не повернул головы в мою сторону. — Обычная девка. От болезни еще не оправилась, рассудок слегка помутился.

Ну, конечно! Куда уж мне до его высот? Так сразу и не скажешь, что за блестящим фаса-дом, облаченным в кавалергардский мундир, скрывается тиран, приказавший выпороть меня на конюшне.

Несколько заговорщиков уединились в углу, подальше от дам. Тема беседы перетекла в запретное для чужих ушей русло. Я замерла у фуршетного столика, превратившись в слух и делая вид, что старательно поправляю салфетки, а сама впитывала каждое слово.

— Конституция должна быть принята сразу после отречения, — заявил Муравьев. — Нельзя допустить безвластия.

— Крепостное право — позор России, — с жаром поддержал Дмитрий, а я чуть не выронила бокал.

В голосе графа звучала такая искренняя вера и увлеченность, что меня покорило. Он говорил о свободе и равенстве перед законом, о будущем великой страны. Его глаза горели революционным огнем, и он был готов рискнуть собственным благополучием ради призрачной свободы для всего народа.

Как он может? — внутри вспыхнуло острое чувство несправедливости. — Утром отдает приказ высесть крепостную за то, что посмела сказать правду, а вечером рассуждает о высоких материях?

Неужели ему невдомек, что перемены надо начинать с самого себя? Его либерализм заканчивался там, где начинались личные интересы. Для него народ был абстрактным понятием, безликой массой, которую необходимо облагодетельствовать, а я оставалась вещью, с которой можно обращаться как угодно.

— Ты слишком внимательно слушаешь, милая, — Лунин возник рядом так неожиданно, что я вздрогнула.

— Простите, Ваше Благородие, — низко опустила голову, пряча яростный блеск в глазах. — Засмотрелась на ордена ваши красивые.

— Иди уже, — хмыкнув, отпустил он. — Засмотрелась она...

Я почти бегом скрылась в служебном коридоре. Сердце колотилось как сумасшедшее. Если заговорщики так открыто обсуждали свои планы, то их мог подслушать и донести кто угодно. А они пребывали в счастливом неведении, что об их тайном обществе никому не известно.

Глава 9

Крадучись и стараясь не попадаться на глаза другим слугам, я проскользнула в кабинет. На столе все так же белела карта Петербурга, но моя первая записка исчезла. Значит, он ее прочел. А вот поверил или нет, уже другой вопрос.

Взявшись за перо, я склонилась над столом, старательно выводя буквы огрубевшими пальцами.

«Среди ваших братьев есть доносчик. Берегитесь тех, кто слишком рьяно говорит о крови. Ищите крысу в списках Южного общества, пока она не привела жандармов в ваш дом».

Лист я сложила пополам и также оставила на карте, после чего поторопилась к выходу. Осталось незаметно вернуться в гостиную, как будто никуда не отлучалась. Пробираясь по скрытым в стенах лестницам и потайным переходам, я неожиданно услышала женские голоса в гостевой комнате и на цыпочках приблизилась к двери.

Похоже, что в этом доме заговоры случались на каждом шагу! — Тихонько приоткрыв створку, заглянула внутрь.

Анна Бенкендорф замерла у окна, будто изящная статуя. В отблесках свечей, бросающих на нее скудные блики, она казалась недосыгаемой, вырезанной из драгоценного камня. А вот Глашка, согнувшаяся перед ней в подобострастном поклоне смотрелась жалкой крысой, заискивающей перед будущей хозяйкой.

— И что еще она делает? — я обомлела, когда сообразила, что речь шла обо мне.

— В оранжерее сидит, Ваше Сиятельство, — торопливо докладывала служанка. — Цветы перебирает и шепчет что-то. А считать-то как горазда! Прасковья Ивановна шагу без нее теперь ступить не может. Говор стал странным, будто она из благородных и только прикидывается крепостной. Не зря хозяин приказал ее выпороть! А уж наши конюхи так расстарались — всю спину исполосовали. Кому она теперь такая нужна?

Анна усмехнулась, и в этой ее усмешке сквозило надменное превосходство. Я ни капли не сомневалась, что Глашка все ей разболтала и про выкидыш, и про те ночи, что Татьяна проводила в хозяйской спальне, и про то, как он справлялся о моем здоровье.

Это для меня его визиты казались издевкой, а для других даже толика графского внимания служила поводом для зависти.

— Свободна, — Анна небрежно сунула Глашке монету. — Следи за каждым шагом Татьяны и докладывай мне, если заметишь что-то подозрительное.

Я едва успела укрыться за выступом, когда служанка прошла мимо по коридору. Похоже, Анна всерьез нацелилась взять власть в свои руки. И эта женщина для меня была опаснее прочих, потому что никто не потерпит в доме присутствие любовницы мужа.

Отступив в тень, я попыталась успокоиться и унять бешеное сердцебиение, но получалось откровенно плохо. Мало мне проблем, так теперь еще графская невеста за меня возьмется.

К гостиной я уже бежала, понимая, что меня наверняка хватились. Вывернув из служебного коридора, неожиданно впечаталась в чью-то крепкую грудь. На моей талии тут же сомкнулись тяжелые руки, не давая упасть или отстраниться. От неосторожного прикосновения к рубцам на спине я глухо застонала.

— Ты куда-то торопилась? — голос графа, прозвучавший над ухом, поверг меня в ужас.

Только его мне сейчас не хватало!

Дмитрий шагнул к ближайшей нише, увлекая меня за собой.

— Пустите! — попыталась вырваться из объятий.

— Тише! — граф зажал мне рот рукой и вдавил в стену, отчего у меня помутнело в глазах из-за прострелившей спину боли.

Через мгновение по главному коридору чинно прошествовала Анна, шелестя пышными юбками. В гостиной при ее появлении сразу завязался оживленный разговор.

Ах, ну теперь все понятно! Дмитрий не хотел, чтобы невеста увидела нас вместе.

Но мы же ничего такого не делали, просто столкнулись в коридоре. Я задрала голову и наткнулась на внимательный взгляд потемневших глаз.

— Моей невесте ни к чему лишние волнения, — приглушенным голосом пояснил Шереметев.

Вот и проваливай к ней! — сверкнула яростным взглядом

Проблема-то в том, что Анна уже ушла, а мы все стояли. Одна его рука прожигала мою талию, а вторая закрывала рот. Я чувствовала каждый изгиб его тела, каждую пуговичку мундира, соприкасающуюся со мной. И в том, что он хотел меня сейчас, не возникало никаких сомнений.

Его взгляд, тонкие раздувающиеся ноздри, вдыхающие мой запах, напряжение, сквозившее в каждой черточке, говорили громче любых слов. А я даже возмутиться не могла и, вообще, старалась не шевелиться, чтобы не провоцировать.

Ладонь на лице ослабла. Дмитрий погладил меня по щеке, обрисовал подбородок, коснулся рта, надавливая на нижнюю губу указательным пальцем. Вторая рука сползла ниже, стискивая ягодицу, а затем медленно собирая в кулак грубую ткань платья и задирая подол все выше и выше.

Из гостиной в этот момент донесся громкий смех. и кто-то поинтересовался, куда запропастился Дмитрий. А я неотрывно смотрела ему в глаза, ощущая саднящую боль в спине и разливающийся по телу жар.

Глаза застили бессильные слезы, в которых смешалась боль, злость на саму себя, что против воли реагировала на прикосновения этого тирана, и отчаяние от осознания того, что пожелай он продолжить дальше, я ничего не смогу поделать.

Соленые капли скользнули по щеке и упали на его ладонь.

— Ты плачешь? — Дмитрий вздрогнул, будто очнувшись от наваждения. — Что случилось?

— Вас там невеста ждет, — прошептала чуть слышно.

— Ревнуешь? — он хищно улыбнулся. — Не в твоём положении ревновать. Женитьба — дело решенное. Но тебе, Танюша, не стоит переживать, в деревню отсылать не буду. Думаю о тебе постоянно, о словах твоих дерзких, о нас.

— Думаете обо мне, а женитесь на другой? — горько усмехнулась. — Разве так можно? Отпустите меня...

— Отпустить? Когда я хочу тебя так, что не могу больше ни о чем думать? — прошептал с жаром, прижимаясь еще крепче.

— Нет, пожалуйста... Вы делаете мне больно, — всхлипнула, когда он смял мои губы жадным поцелуем.

Вот только я на него не ответила. Застыла истуканом и стиснула зубы. Не хватало еще целоваться с человеком, который велел меня выпороть.

Дмитрий резко отпрянул, разгоряченный и злой.

— Чего тебе не хватает? — прошипел он. — О невесте ты и раньше знала. Сама же говорила, что любишь меня. Неужели разлюбила так быстро?

— Той Татьяны больше нет, — ответила честно. — Она умерла вместе с вашим нерожденным ребенком. Не понимаю, как она... Как я могла любить человека, который видит во мне лишь вещь? Когда любят, то заботятся друг о друге, защищают, оберегают от бед и стараются не причинять боли. А вы только и делаете, что заставляете меня страдать.

— Ты не вещь! — выпалил он громким шепотом. — И с поркой, признаю, что погорячился. Обещаю, такого больше не повторится. Хочешь, подарок тебе куплю? Шаль цветную или колечко с камушком? Заглажу вину. Только будь со мной ласкова, как прежде.

— Считаете, что любовь можно купить, Дмитрий Николаевич? — я покачала головой. — Нет, это не так. Вы можете приказать лечь с вами, можете снова выпороть, но как прежде никогда не будет. Если я вещь, то вам и не надобно моего согласия, а если все-таки человек, то и обращайтесь по-человечески.

— Ты? Отвергаешь меня? — полыхнул он яростным взглядом. — Ты?! Меня?! Да кем ты себя возомнила?

— Дмитрий Николаевич, а если бы на моем месте оказалась девушка из дворянской семьи, вы бы так же с ней обращались и требовали ответных чувств?

Граф ничего не ответил, только скрипнул зубами. На его скулах ходуном заходили желваки.

— Вы заботитесь о чувствах невесты, которую с ваших же слов, не любите. А мои желания ни во что не ставите и глубоко обижаетесь, когда говорю правду. Вы не способны любить и никогда не дадите мне то, чего я желаю больше всего на свете.

— Чего же? — процедил граф.

— Свободы. Я всего лишь хочу свободы. Хочу сама выбирать, где жить и работать, кого любить и за кого выходить замуж. И чтобы на меня не кричали, срывая злость и плохое настроение, не били за то, что у меня есть собственное мнение, и не принуждали к тому, чего я делать не желаю.

— Возвращайся к своим обязанностям, Татьяна, — глухо произнес Шереметев, отстраняясь и смахивая пылинки с мундира — Принеси моим гостям еще вина.

Глава 10

Следующие несколько дней превратились в изысканную пытку. Дмитрий больше не пытался сблизиться или заговорить о чувствах, но нарочно вызывал к себе по малейшему поводу. То чай принести, то вытереть пыль, хотя ее и так ежедневно протирали, то сложить книги, которые он вытащил из шкафа и раскидал по кабинету.

Помимо этого, Анна приезжала в Фонтанный дом почти каждый день. Официально — обсудить детали венчания, на деле же она устраивала смотр новых владений.

— Татьяна, подай чаю Анне Христофоровне, — Дмитрий будто нарочно издевался, заставляя ей прислуживать. — И принести нашей гостье теплую шаль, а то в зале сквозит.

Невеста благосклонно улыбалась, наблюдая за тем, как я приседаю в реверансе, кусая губы до крови, потому что рубцы на спине опасно натягивались и терлись об жесткую ткань платья.

— Говорят, ты недавно чуть не умерла от лихорадки? — графиня вдруг снизошла до общения со мной. — А ведь не зря господин Лунин обратил на тебя внимания, взгляд и вправду слишком живой. Скажи мне, Татьяна, о чем ты думаешь, когда смотришь на своего господина?

Я растерялась, не понимая, чего она добивалась этим разговором. Бросив опасливый взгляд на Дмитрия, заметила в его глазах тревогу и любопытство.

— Ваше Сиятельство, я думаю лишь о том, как бы не пролить чай, — опустила глаза и изо всех сил постаралась принять покорный вид. — Какие еще могут быть мысли у прислуги? Только о том, как бы получше работу справить, чтобы хозяева остались довольны.

— Достойный ответ, — Анна покивала и натянуто улыбнулась, давая понять, что не поверила ни единому слову. — Скромность — лучшее украшение для таких, как ты. Ступай!

На негнущихся ногах я вышла в коридор, не понимая, чем заслужила такое внимание от невесты хозяина. Она же прекрасно знала, что я ей не соперница. Или же нет?

Не успела отойти на десяток шагов, как меня перехватил камердинер графа Архип.

— Послушай сюда, девка! — произнес негромко, хватая меня за руку и оттаскивая в сторонку. — По тонкому льду ходишь. Возле Анны Христофоровны не смей рта раскрывать и глаз от пола отрывать. Дыши через раз, если придется. Ее родня — это глаза и уши государя. Дмитрий Николаевич женится не для радости сердечной, а чтобы фамилию из петли вытащить. Понимаешь?

Как не понять? — я кивнула. — Александр Христофорович Бенкендорф, брат Анны, участвовал в подавлении восстания и вел расследование по делу декабристов. Впоследствии с его подачи будет создано Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое он в дальнейшем и возглавит.

Только какой толк Архипу предупреждать меня? В чем его выгода? Я прекрасно понимала, что женится Дмитрий по расчету. Любви между женихом и невестой в помине не было, это чувствовалось по их общению. Но графиня Бенкендорф происходила из той мстительной породы, которая не терпела на своем поле никаких конкурентов.

Вечером в девичьей Глашка демонстративно чистила новое платье, полученное, как шептались девчонки, из рук будущей графини Шереметевой.

— Ишь, как развернулась, — Фекла подошла ко мне, забирая из рук гребень и помогая расчесать спутавшиеся волосы. — Будь с ней поосторожнее, Танюш. Она Анне Христофоровне все про тебя выкладывает. И про сад, и про то, как вас с барином вчера полчаса найти не могли.

— Спасибо, Феклуш, — с теплом улыбнулась единственной душе, которая искренне за меня переживала. Верно говорят, от бдительных слуг ничего не скроешь. — Всем рты не заткнешь. Не одна, так другая расскажет, — молча покосилась на соседок, Анфису и Марфу, которые держались особняком.

Где, спрашивается, в этом веке потерялась вселенская справедливость? Почему противную Глашку не отправят прислуживать господам? Она бы им там все сапоги языком вылизала, чтобы угодить. Нет, граф каждый день требовал именно меня, как будто в штате прислуги из сотни человек никого подходящего больше не было.

Утро едва наступило, а мне опять пришлось стоять навтыжку у обеденного стола, глотать голодную слюну и тщательно следить, чтобы у господ всего хватало.

Дмитрий сегодня выглядел на редкость бледным и не выспавшимся. В руке он сминал записку, которую я оставила в кабинете еще во время приема.

— Ты сам не свой, mon cher, — медовым голосом, полным приторного сочувствия, произнесла Анна.

Изящная и свежая, в утреннем наряде из нежного шелка она выглядела удивительно красивой. Графиня цепким взглядом следила за каждым движением Дмитрия, сразу приметив клочок бумаги, который он сунул в карман.

— Не переживай, Анна, — отмахнулся Дмитрий нервным жестом. — Это всего лишь незначительные проблемы.

— Проблемы, которые заставляют тебя так переживать? — она подалась вперед и мягко накрыла его ладонь своей. — Я же не слепая. Вижу, как тебя что-то тревожит. Дело в той записке? Тебе прислали предупреждение?

Откуда? — невольно замерла с сахарницей в руках. — Неужели она прочитала? Может, кто-то застукал, когда я выходила из кабинета?

— О чем ты? — Дмитрий вздрогнул.

Анна деликатно замолчала, выдерживая паузу. Девушка бросила на меня досадливый взгляд, после снова посмотрела на жениха, придавая лицу сочувственное выражение.

— Помнишь, я рассказывала тебе, что Александр упоминал о странных брожениях в полках? — начала она вкрадчивым голосом. — Не хотела пугать тебя раньше времени, mon cher, но вчера вечером брат обмолвился, что в Тайной канцелярии уже всплыли некоторые имена. Я всего лишь хотела передать тебе весть, чтобы ты успел подготовиться.

Вот так стерва! — чуть не задохнулась от возмущения. — Эта нахалка присвоила себе мою заслугу. Стало быть, кто-то увидел записку и передал ее содержание? Но этот кто-то должен уметь читать! Или же она все это придумала на ходу, прекрасно понимая, какие разговоры ведутся в Шереметьевских гостиных?

Дмитрий с облегчением выдохнул, его плечи расправились, а во взгляде вспыхнула благодарность.

— Так, это была ты? — произнес он радостно. — Анна, я подумать не мог, что ты так глубоко предана нашим интересам.

— Ты — мой будущий муж, Дмитрий. Твоя жизнь — это и моя жизнь тоже, — она поднесла его ладонь к своим губам, гипнотизируя жениха томным взглядом.

Вот ссс-стерва!

Но как же быстро Дмитрий купился на удобную сказку! Анны ведь не было здесь, когда я оставила первую записку. Или это уже не важно? Господи, как же легко женщина способна манипулировать мужчинами!

Глава 11

Закончив сервировку стола, я поклонилась и попятилась к дверям, пониже опустив голову. В груди ворочалось что-то тяжелое и неприятное. Нет, это не ревность! Нужно испытывать хоть какие-то чувства, чтобы ревновать. Во мне бушевала ярость историка, на глазах которого подтасовывались факты.

— Татьяна, стой! — окликнула меня Анна, не позволив покинуть комнату. — Подойди! — приказала она.

Я послушно вернулась и застыла в двух шагах от стола. Графиня смотрела на меня в упор таким ледяным взглядом, будто готова была придушить собственными руками.

— Ты сегодня чересчур медлительна. Покажи руки! Что это? Чернила? — она брезгливо указала на запястье, где осталось маленькое пятнышко.

— Медь чистила, Ваше Сиятельство, — соврала, не поднимая глаз.

— В этом доме не место горничным, которые слишком много слышат и мало работают. Mon cher, — змеюка повернулась к Дмитрию, — мне кажется, твоя экономка слишком балует эту девку. Она постоянно околачивается в господских покоях без дела.

— Прасковья разберется, — отмахнулся Дмитрий. — Не переживай.

— Даже и не думала, — Анна улыбнулась такой ядовитой улыбкой, что я похолодела. — Ступай в людскую. Я велела поскорее перестирать и освежить шторы, надобно прачкам помочь.

— Как прикажете, Ваше Сиятельство, — я присела в поклоне и направилась к выходу.

Оказавшись в коридоре, прислонилась лбом к холодной стене. Сколько еще я буду удивляться человеческой жестокости? Здесь правда никому не нужна, а за попытку спасти чью-то жизнь тебя отправят таскать корзины с мокрым бельем и выжимать тяжелые портьеры, пока не лопнет кожа на руках.

Как новости так быстро дошли до Прасковьи, я могла только гадать. Не успела спуститься с людскую, как она позвала меня к себе.

— Ну что ты там натворила, шельма? — прошипела она, хватая меня за плечо. — Приказ пришел от самой... Барыня велела тебя на самые черные работы перевести. Никаких счетов, никаких цветов. Всю неделю будешь в чанах с щелоком стоять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.